

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

.....

Г. Ю. Фоменко¹

В статье обсуждается необходимость и возможность выделения психологии безопасности как нового направления психологической науки. Необходимость институционализации нового направления в современных условиях масштабных изменений обосновывается с философской, психологической и других позиций. Обсуждается эвристичность методологии субъектно-бытийного подхода к решению проблем психологии безопасности личности.

Ключевые слова: психология безопасности личности, субъектно-бытийный подход, современное транзитивное общество, постнеклассическая рациональность, проблемно-ориентированные междисциплинарные исследования, система «личность — общество — государство», индивидуальный и групповой субъекты.

The article discusses the necessity and possibility of marking security psychology as is the new direction of psychological science. The need to institutionalize a new direction in modern large-scale change conditions is justified from a philosophical, psychological and other items. We discuss the heuristic methodology for subjective-existential approach to solving problems in the psychology of human security.

Key words: psychology of human security, the subjective-existential approach, the transitive contemporary society, postnonclassical rationality, problem-oriented interdisciplinary research, the system «individual — society — government, individual and group actors.

Постановка вопроса об институционализации психологии безопасности как нового направления психологической науки может вызывать отторжение из-за первоначального впечатления искусственности выделения этого направления и его избыточности по отношению к уже имеющимся.

Однако попытаемся рассмотреть данную проблему комплексно с различных позиций: науковедческой, философской, собственно психологической и практической.

¹ Фоменко Галина Юрьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. адрес: fomgal27@mail.ru

Целесообразно начать с *философского* осмысления специфики современной конкретно-исторической ситуации, которая ставит под вопрос само существование человеческого рода, а следовательно, требует настоящего рассмотрения действительности в двух аспектах: как важных, но все же частных перспектив и как универсальных человеческих потребностей и ценностей [29, с. 222]. Соответственно, в этих условиях изменяется статус проблем безопасности конкретной личности в соотношении с глобальными проблемами человечества, а также уровень и ракурс их рассмотрения (перемещение в онтологическую плоскость комплексного междисциплинарного охвата).

В данных конкретно-исторических условиях у человека подрывается чувство безопасности по новым и очень разнообразным основаниям, которые не были характерны для предыдущих периодов развития цивилизации. При этом все исследователи консолидированно в качестве главной опасности для человека и человечества в целом отмечают то обстоятельство, что у людей может не хватить психологических ресурсов для того, чтобы справиться с требованиями, характером и темпами преобразования социальной действительности [8, 28, 29, 40].

Отмечается уникальность и масштабность проблем безопасности личности в условиях современного транзитивного общества в самых различных аспектах: «Страх всегда сопровождал общество в переходные (или гибельные) периоды истории, и всё же таких масштабов и многообразия форм он прежде не имел. Фактически речь идёт о прочном смещении жизненных приоритетов в сторону ценностной системы «небезопасного общества» (У. Бек). Перемены, происходящие в мире, приняли характер грандиозного снежного обвала. В такой ситуации трудно найти точку опоры и человек фактически оказывается в состоянии бифуркации. Он будто занёс ногу для шага вперёд: прежнего устойчивого положения лишился, следующего ещё не достиг (и вопрос об его устойчивости остаётся открытым), а нынешнее — совершенно неопределённое — вызывает лишь чувство страха. Движущей силой общества становится установка «Я боюсь!»» [41, с. 316].

Длительное пребывание под постоянной угрозой всеобщей гибели порождает у большинства людей одни и те же последствия — страх, враждебность, всеобщую подозрительность, бездушие, очерствление и в конечном счёте безразличие ко всем существующим ценностям. По прогнозам исследователей [8, 39], это может привести к новому варварству, пусть даже оно будет иметь на вооружении самые совершенные механизмы. Если мы всерьёз полагаем, говорит Э. Фромм, что наша цель заключается в сохранении свободы, то должны признать, что эта свобода будет потеряна, независимо от того, сработают или нет средства уничтожения [40].

Выявляется ослабление всех разновидностей модусов иммортализации (символического бессмертия) личности, выделенных Р. Лифтоном

и Э. Ольсенom: биологического, творческого, теологического, натуралистического, чувственного [8, с. 117]. При обсуждении причин повреждённости теологического модуса поясняется, что надежды на посмертное существование обесцениваются, если они не сопровождаются гарантией земного выживания. Возможность катастрофы, нависшей над человечеством, нарушает тот заложенный в человеке глубинный слой «базисного доверия к миру» (Э. Эриксон), к которому апеллирует религиозная символика [8, с. 124].

Преобладание «*негативной символической системы*» (понятие, выдвинутое Р. Лифтоном), преодолеть разрушительное действие которой человек не способен в одиночестве, на новом уровне актуализирует проблему противоречий индивида и общества: как соединить индивидуальный жизненный *проект* с коллективным историческим *проектом*. Последний термин здесь уместен, поскольку предполагает наличие как целей, так и методов их достижения. С точки зрения индивида, этот проект сводится к достижению осмысленных отношений с ценностями и символами, через которые он способен утвердить своё символическое бессмертие. Цель *коллективного проекта* — поддержание этих модусов бессмертия среди его членов [8, с. 120].

«Испорченные символические системы» оказывают деструктивное влияние на процессы идентичности личности, поскольку происходит неизбежная фрагментация как самого образа мира, так и человека. При этом в отсутствие тоталитарного прессы и открытого ограничения субъектной активности последняя парадоксальным образом «глушится» ввиду того, что ослабление казавшихся прежде незыблемыми социальных институтов порождает противоречивое чувство: с одной стороны, почти всё дозволено, а с другой — почти ничего нельзя достичь.

Элвин Тоффлер в книге «Шок будущего» написал о том, что человечество захватывает неведомое ранее психологическое состояние, которое по своему воздействию может быть приравнено к заболеванию. Есть у этой болезни и своё название — *футорошок, шок будущего*. Человечество может погибнуть не от того, что окажутся исчерпанными кладовые земли, выйдет из-под контроля атомная энергия или погибнет истерзанная природа. Люди вымрут из-за того, что не выдержат психологических нагрузок. Футорошок характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванной страхом перед близким будущим [28].

Преображается социальное и культурное бытие. Человек не просто включается в темп неслыханных ускорений. Он вообще катапультируется, причём многократно, в иные миры. П. С. Гуревич в качестве иллюстрации приводит следующие примеры. Вчера ещё респектабельный индивид становится изгоем. Тот, кто привык к земле предков, оказывается беженцем. Православный попадает в исламское окружение. Жертва синдрома «раскрестьянивания» приговаривается к владению земельным участком. Человеку, готовому променять

свои акции на спирт и пачку гречки, предназначают роль совладельца капитала. Индивиду, который впал в нищету оттого, что задерживают пенсию, предлагают оплачивать жильё по западным стандартам и т. п. Согласно концепции американского социолога Самюэля Хантингтона, проблема человечества не только в том, чтобы привыкнуть к переменам. Она в том — как сохранить ценностно-психологическое ядро культуры [8, с. 21].

Дело не только в том, что мы расширили сферу перемен, сделали их масштабнее — *мы изменили их темп*. На нас обрушивается лавина быстро сменяющих друг друга событий, что приводит к преобразению нашего восприятия времени. Мы ощущаем жизнь иначе, чем наши предшественники. И именно в этом отличие современного человека [2, 4, 8, 32, 33].

Отмечаемое в посткоммунистической России ослабление и исчезновение устремлённости в будущее как социально значимого явления [2, 11, 32, 33] — это не просто признак стагнации социального субъекта, но и признак дестабилизации и подрыва самих основ человеческого существования. Напомним, что В. Франкл считал важнейшей особенностью человека то, что он может жить, только лишь глядя в будущее — *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности). Соответственно, узник в концлагере, терявший веру в будущее, сам себе подписывал приговор. С потерей веры в будущее он также утрачивал свой духовный стержень; он ломался и деградировал физически [38, 39].

Уникальной особенностью современного этапа цивилизационных преобразований является то, что человечество вступило в эпоху, когда возрастает роль влияния субъективных факторов на эволюционный процесс [11, 23, 24]. При этом рост сознательно-волевого аспекта социальности вполне уживается с ростом степени принудительности и непослушности исторического процесса в целом ряде его аспектов. Приобретая власть над одними явлениями, люди порождают другие неподвластные им явления. При этом в отношении проектируемой и управляемой истории потери уже начинают пересиливать приобретения [11, с. 256]. А. А. Зиновьев подчёркивает, что произошло нечто более страшное, нежели возможные последствия вторжения в биологический механизм наследственности людей и в механизм развития зародышевых клеток зрелых организмов, которыми любят запугивать общество средства массовой информации, а именно: люди вторглись в механизм социальной эволюции человечества [11, с. 257].

Исследователи полагают, что прежние представления о жёсткой детерминированности или случайности исторического процесса следует заменить более современным понятием «детерминизм нового типа», в котором частично содержится логика синергетической концепции [14, 23]. Суть этого понятия состоит в том, что в критические периоды неустойчивого состояния социума неизмеримо возрастают возможности индивидуального вмешательства в ход событий (малые усилия могут привести к масштабным социальным сдвигам);

при этом соответственно растёт и мера ответственности индивидов за свои действия [24, с. 109].

Таким образом, проблема выживания человечества, а следовательно, и его безопасности стала центральной на данном этапе социальной эволюции. Эта проблема для каждой отдельной личности принимает конкретное воплощение (причём не статичное, а динамичное) в уникальной конфигурации индивидуально-биографических и социальных координат.

В *научоведческом аспекте* актуальность выделения нового направления — психологии безопасности обусловлена логикой становления постнеклассической рациональности.

По мнению В. С. Стёпина, интенсификация связей между различными дисциплинами и возрастание роли междисциплинарных исследований как факторы развития общенаучной картины мира затрагивают не только когнитивные, но и институциональные аспекты современной науки. Он констатирует, что современный синтез достижений различных наук протекает в условиях, когда все большую роль в научном познании начинают играть крупные комплексные программы и проблемно-ориентированные междисциплинарные исследования. При этом ученый напоминает, что ещё В. И. Вернадский, анализируя тенденции развития науки в первой половине XX столетия, отмечал, что их классификация осуществляется уже не столько по предметам, сколько по проблемам. В настоящее время престижность такого рода направлений и программ определяется прежде всего современным поиском выхода из глобальных кризисов, к которым привело индустриальное, техногенное развитие цивилизации [27].

Выделение нового направления — психологии безопасности в полной мере отвечает тенденциям позитивной формулировки нового идеала научности, претендующего быть выражением «науки в собственном смысле», к числу наиболее мощных из которых относят концепцию «финализации науки», выдвинутую Штарнбергской группой методологов [29, с. 223-224]. В рамках этой концепции в качестве эталонного выдвинут особый тип научного познания, в котором интегрированы как внутренние, объективные закономерности развития науки, так и социальные цели и потребности. Методологи Штарнбергской группы обращаются к случаям, когда существующих научных знаний оказывается совершенно недостаточно для достижения социально детерминированных целей в тех предметных областях, которые входят в сферу компетенции уже имеющейся в наличии фундаментальной теории. Финализация есть «особого рода теоретическое развитие определенных внешним образом проблемных областей на базе существующих общих теорий: это есть «процесс, в котором внешние по отношению к науке цели становятся ведущими в развитии теории» [29, с. 224].

Речь идет о таком типе развития науки, который, с одной стороны, представляет собой род фундаментальных исследований, а с другой — детерминирован внешними целями применения, наконец, постпарадигматическая фаза, или фаза финализации, состоит в специализации теории для решения определенных социально значимых проблем.

Однако эта специализация не есть простое логико-математическое выведение результатов из уже имеющихся в наличии теорий; это есть скорее развитие специальных теорий и, следовательно, продолжение фундаментальных исследований какой-либо исследовательской области. В то же время этот процесс в существенной мере детерминирован не внутренними, а внешними целями применения. Внешние цели действуют регулятивно уже в процессе специализации теорий. Они определяют исследовательскую проблему и требуют такого развития общей теории, для которой нет внутринаучной необходимости [29, с. 224-225].

В этом отношении применительно к психологии безопасности нагляден следующий пример. Ю. П. Зинченко отмечает «разнесённость» проблематики терроризма в связи с её многоаспектностью по отраслям психологии:

- 1) исследование идеологических и культурологических истоков терроризма — это аспект политической психологии;
- 2) выявление индивидуально-личностных основ терроризма и проблемы ненависти и агрессии как способа решения социальных задач — это аспект возрастной психологии и психологии личности;
- 3) изучение особенностей функционирования террористических организаций — это аспект социальной психологии;
- 4) исследование психологических причин, толкающих человека на участие в террористической деятельности, — это аспект клинической психологии;
- 5) изучение использования террористами современного глобального информационного пространства как всемирной сцены для своих действий — это аспект психологии массовых коммуникаций [12, с. 4-5].

Оформляющееся направление психологии безопасности позволяет решать конкретные проблемы, в данном случае — профилактики и противодействия терроризму, не фрагментируя их по отдельным отраслям психологии, как это осуществлялось до становления психологии безопасности при традиционном подходе, а исходя из концептуальных подходов, сформулированных непосредственно в рамках нового направления, которые открывают также возможности для междисциплинарного диалога.

При этом психология безопасности в процессе своего институционального оформления и развития с необходимостью будет решать соответствующую метапсихологическую задачу разработки под социально ориентированные проблемы такого подхода, при котором возможен синтез различных, как правило, противоречащих друг другу психологических концепций. Указанное об-

стоятельство является конкретизацией современной тенденции интеграции психологии на основе метапсихологического подхода [7, с. 491].

Продуктивному развитию психологии безопасности может способствовать осуществление инвентаризации (подразумевающей логико-содержательный, синтаксический и семантический анализ) теоретического наследия под соответствующие проблемы, а также активное использование в конкретных исследовательских проектах мета-анализа [21] релевантных публикаций.

Это в полной мере соотносится с выделенным штатнбергцами в качестве эталонного, особого слоя социально-практически ориентированных фундаментальных научных исследований.

Прослеживается определённая аналогия психологии безопасности с социальной экологией (считающейся эталонной в отношении новых идеалов научности), предметом которой является «обмен веществ», взаимодействие человека, общества и природы, которые образуют определенную систему. А ее главная задача состоит в определении оптимальных условий равновесности и воспроизводимости этой системы.

Аналогично, на наш взгляд, *проблемное поле* психологии безопасности включает *необходимость определения оптимальных психологических условий равновесности в системе «личность — общество — государство»* (рассматривая безопасность как системное явление, прежде всего обычно выделяют национальную безопасность и три её уровня: безопасность личности, общества и государства).

При этом необходимо учитывать и следующее обстоятельство. Когда говорят о психологии безопасности, подразумевают чрезвычайные ситуации и в первую очередь события, связанные со стихийными бедствиями, террором. Но более опасными для общества могут оказаться реальные события каждодневности, которые совсем не исключительны, но по прошествии времени обнаруживаются как требующие незамедлительной коррекции или исправления. Так, академик Д. Львов, оценивая последствия экономических реформ, пишет, что у многих россиян выработалась чудовищная приспособительная реакция к тому, что, казалось бы, невозможно вынести, *синдром вживания в катастрофу* [19].

В связи с этим *проблемное поле* психологии безопасности включает также выявление *тех факторов, которые ранее казались малозначимыми в плане деструктивности/конструктивности — позитивности/негативности воздействий на систему «личность — общество — государство», затрудняющих процесс её самоорганизации.*

Напомним, что осознание системной природы проблем безопасности и, следовательно, необходимости системного подхода стало главным уже на начальном этапе оформления психологии безопасности, которое в истори-

ческом аспекте, на наш взгляд, можно отнести к 1996 г. (А. В. Брушлинский и В. Е. Лепский). А. В. Брушлинский подчёркивал, что процесс переоценки ценностей в нашем обществе породил и новое понимание проблем безопасности. При таком подходе выявляется, что содержание и степень безопасности общества и человека находятся в прямой зависимости от функционирования всех структур общества — экономической, политической, социальной, правовой. В результате система самой безопасности приобретает сложную структуру, в которой можно выделить соответствующие составляющие компоненты или подсистемы [26].

На системном характере проблем безопасности и необходимости системного подхода к их изучению в контексте психологии безопасности акцентирует своё внимание Ю. П. Зинченко [12, 13].

Интерпретируя феномен терроризма как показатель (симптом) системного неблагополучия во взаимоотношениях личности — общества — государства и в каждом из субъектов этого взаимодействия, методология субъектно-бытийного подхода, которая лежит в основе нашего видения проблем безопасности, позволяет комплексно рассмотреть указанную проблему [37].

Таким образом, генеральная тенденция современной науки — проблемно-ориентированные исследования с упором на междисциплинарность.

Тип научной рациональности, связываемый с постнеклассическим этапом развития науки, в психологии стал выражаться не только развитием междисциплинарных исследований, но и изменением понимания их статуса. Этот новый статус предполагает множественность предмета исследования, проблемно определяемого, а не замкнутого в рамках конструкторов одной науки. Так, в статье Р. Стернберга и Е. Григоренко это выражено тезисом: одна проблема — комплексное исследование силами профессионалов разных наук [15, с. 257].

Другая тенденция современного этапа как постнеклассического — дифференциация научных проблем, которая приводит к синтезу фундаментальных и прикладных исследований, интеграции психологических подходов и методического арсенала психологии, развитию комплексных исследовательских программ. О новом этапе развития психологической науки свидетельствует и внимание к новым темам, отражающим её включённость в происходящие в мире изменения — освоение психологией новых реалий изменяющегося мира, а точнее, человека в нём [15, с. 258].

В целом же изменение изучаемой проблематики можно зафиксировать как один из главных параметров эволюции социогуманитарных дисциплин. И именно к ним в наибольшей степени применим тезис о том, что «вехами истории науки оказываются проблемы» [42, с. 156].

В *практической плоскости* проблемы безопасности являются не только общегосударственными, но и общечеловеческими. При этом они имеют особую актуальность и значение для России.

В 2009 г. журнал «Psychologies» опубликовал результаты международного исследования о ценностях населения 25 стран Европы, полученные в ходе Европейского социального исследования, к которому в 2006 г. впервые присоединилась Россия. Так вот, безопасность для россиян, оказывается, намного важнее всех прочих ценностей, мы чувствуем, что нам не хватает защиты; нам больше, чем другим европейцам, свойственна осторожность (или даже страх), мы хотим, чтобы нас защищали. В целом эти выводы совпадают с нашими представлениями о согражданах как о людях в основном «зажатых», тревожных, рассчитывающих на опеку властей, ценящих порядок выше свободы. Не случайно политический лозунг стабильности так популярен в нашем обществе. Эту особенность учитывают, кстати, и создатели рекламы: аргументом в пользу высокого качества продукта в России чаще служит его «традиционность» и «проверенность временем», а на Западе чаще используются идеи новизны и развития [20].

И соответственно, все вызовы нашего времени, которое характеризуется как эпоха перемен, цивилизационного сдвига, масштабных изменений и т. п., преумноженное кризисными явлениями и проблемами посттоталитарного общества, воспринимаются россиянами очень болезненно. Рушатся традиции и привычные системы ценностей, основополагающими становятся такие категории, как *случайность* и *неопределённость*, всё это не может не способствовать ощущению нашей повышенной уязвимости вплоть до зыбкости собственного существования,

В *психологическом плане* проблему необходимости выделения и оформления нового направления психологии мы обсудим в аспекте целесообразности и возможностей разработки заявленной нами психологии безопасности личности в контексте субъектно-бытийного подхода [35, 36, 37].

Анализируя и фиксируя выделение новой субъектной парадигмы в психологии, К. А. Абульханова подчёркивает, что парадигмальность категории субъекта в современной психологии выразилась не только в том, что на её основе оказалось возможным по-новому поставить и даже решить ряд проблем психологической науки, но и в той степени проблемности и перспективности, которую она имплицитно содержит в себе для будущих исследований, для открытия новых направлений развития психологической науки [3, с. 450].

Обоснование постнеклассической парадигмы как общей ситуации в науке предполагает, что любая психологическая школа может стать ведущей для определённой задачи и определённого исследовательского контекста. Это соответствует сетевой модели развития науки [15, с. 244].

Личность как центральная категория и рассмотрение личности как субъекта бытия и события в психологии безопасности имеют для нас принципиальное значение. Предваряя теоретико-методологическое обоснование этого положения, подчеркнём его философский ракурс: выделяя в качестве центральной проблемы современного транзитивного состояния общества ограниченность психологических ресурсов человека: «Кошмар в ином: *психологические ресурсы человека не безграничны*» [9, с. 19], исследователи рассматривают именно развитие личностного начала как противопоставление возможной катастрофе [24, 25].

Если мы заявляем направление «психология безопасности» личности, то, казалось бы, сразу же заведомо сужаем проблему, однако разработка этой темы в контексте субъектно-бытийного подхода позволяет нам избежать изоляционизма личности и её противопоставления социуму, поскольку личность как субъект является главной конституирующей частью человеческого мира. Какую бы мы конкретную проблему психологии безопасности мы и взяли, например, мигрантов, вынужденных переселенцев и т. п., можно выделить, с одной стороны, те ситуации и обстоятельства, в которых человек оказывается *объектом* действий и решений со стороны других людей, социальных общностей и организаций, но при этом он всегда остаётся *субъектом* различных форм активности. С другой стороны, мы обязательно изучаем и фиксируемся на том, как отражает субъект объективные обстоятельства своей жизни (экономической, политической, культурной и пр.) и как в ситуации такой обусловленности субъективными представлениями будет готов действовать в качестве субъекта социально-экономических, политических и других преобразований. Соответственно, неоптимальное функционирование личности в этом качестве в ряде случаев может представлять *угрозу* национальной безопасности.

Целесообразность указанного подхода к проблематике психологии безопасности выявляется и на уровне анализа *причин* и *факторов*, выводящих проблему безопасности в число приоритетных как для общества, так и для психологической науки и практики и вытекающих из них *задач*, требующих своего разрешения.

Прежде всего, это специфика актуального исторического периода, квалифицируемого различными исследователями как эпоха глубоких цивилизационных преобразований, как глобальный системный кризис современного общества, что делает личность в таких условиях особенно незащищённой и уязвимой. Но одновременно мы живём в эпоху стремления к расцвету индивидуальности, поэтому существует потребность в безопасности и защищённости не просто на физическом уровне. Речь идет не только об экономическом выживании и обеспечении сохранения целостности личности, но и о безопасности, определяемой представлениями о поддержании и сохранении если не высокого, то достойного качества жизни. Это тем более выводит проблему психоло-

гии безопасности в предметное поле «личность и её бытие» с необходимостью субъектно-бытийного подхода к её рассмотрению.

Социальный прессинг, которому подвергается человек и который *возрастает* по мере «прогрессивного» развития общества, заставляет человека искать новые пути самозащиты [23, с. 33]. Психология безопасности призвана заниматься выявлением этих способов, их анализом и оценкой, селекцией наиболее продуктивных, а также помощью в их конструировании. Она должна формировать не просто навыки безопасного поведения (как психология безопасности жизнедеятельности), а задавать ориентиры для аутентичного бытия личности в этих условиях, казалось бы, субъективно совершенно не приемлемых для человека, но которые тем не менее нужно, а главное, можно трансформировать в возможности саморазвития.

Более того, возникла очередная бифуркация исторического процесса, когда фундаментальную роль начали играть *случайности*, ведущей становится категория *неопределённости*. Новое направление психологии с позиций субъектно-бытийного подхода должно заниматься изучением рисков и опасностей, исходящих из актуального расклада нашей действительности, выяснением вопроса, к каким именно влияниям в плане утраты безопасности наиболее восприимчивы различные страты населения. В связи с этим необходимым становится формирование личностных образований и субъектных качеств, позволяющих человеку быть устойчивым к негативным, в первую очередь информационно-психологическим воздействиям.

Рассмотрение этой проблемы в контексте субъектно-бытийного подхода дополнительно расширяет основания актуальности и своевременности оформления нового направления — психологии безопасности.

В центре узла взаимосвязанных проблем современности, как указывают представители социогуманитарных наук, оказывается вопрос о личности как историческом субъекте, роль которого резко возрастает в периоды обострения исторической обстановки, в кризисной и предкризисной ситуации.

В качестве актуального основания для разработки психологии безопасности выделяется *противоречие* между повышением роли субъектных характеристик человека при одновременном резком ограничении степени его автономности и неизбежным возрастанием сложности социальной организации жизни [23].

Ещё один момент — это процесс становления субъекта в условиях отчуждения и бессубъектности (формулировка К. А. Абульхановой, которая считает это не эмпирической, а сущностной характеристикой современного российского общества) [2].

Соответственно выделенным позициям становится понятно, что безопасность и самого субъекта, и общества, и государства будет зависеть от того,

какой именно способ экспликации этих противоречий в виде проблем, жизненных задач выберет субъект и к какому *способу их решения* он прибегнет. В связи с этим очень важно выявить *критерии*, когда самостоятельные способы решения этих проблем человеком оказываются не просто вне правового поля, а переходят в категорию *угроз* национальной безопасности.

Таким образом, исходя из положений субъектно-бытийного подхода, безопасность государства и безопасность личности нельзя рассматривать изолированно как явления, отнесённые к епархии и интересам различных дисциплин и ведомств.

Более того, целесообразно рассмотрение государства и общества, а также составляющих его больших социальных групп в качестве субъектов. В этом плане мы опираемся на обоснование А. Л. Журавлёвым возможности исследования больших социальных групп с теоретических позиций субъектного подхода, предложенного Л. С. Рубинштейном. По мнению А. Л. Журавлёва, если признать, что большие социальные группы являются коллективными субъектами, то к ним согласно принципу изоморфизма может быть применена теоретическая схема анализа субъекта [9, 10].

Им же рассмотрена система факторов, обуславливающих изменение в уровне субъектности больших групп, а также закономерности формирования их субъектных качеств. Говоря о решающей роли противоречий и их разрешения в становлении субъекта, А. Л. Журавлёв опирается на мысль К. А. Абульхановой, высказанную в связи с обсуждением процесса становления личности как субъекта. Обсуждая противоречия различного рода, в контексте которых существует личность. К. А. Абульханова отмечает: «Личность становится субъектом, лишь решая эти противоречия, и через найденные ею способы решения достигает большего или меньшего, более временного или постоянного соответствия с действительностью, её условиями и структурами» [1, с. 59]. Уже упоминавшийся принцип изоморфизма позволяет провести аналогию и перенести эту логику рассуждений на развитие группового субъекта. Подобную аналогию А. Л. Журавлёв считает допустимой, поскольку носителями коллективной психологии являются личности, составляющие её, а коллективные психологические феномены — это разделяемые и своего рода типичные для большей части членов группы явления [10].

Таким образом, в контексте психологии безопасности личности возможна интеграция знаний о микро- и макросоциальных явлениях, что соответствует современному пониманию психосоциального подхода, основные положения которого органично включены в содержание субъектно-бытийной методологии.

Динамизм современной жизни, ситуация «цивилизационного сдвига и разлома» порождают новый комплекс противоречивых требований к личности. Проблема самоопределения личности в условиях внешних ограничений касается её отношений с обществом.

Проблемы психологии безопасности в аспекте выявления психологических условий и механизмов равновесности системы «личность — общество — государство» предполагают обращение к личности как субъекту социально-экономических, социо-культурных, политических и других отношений и требуют осмысления системы социальных детерминант с точки зрения их психологической противоречивости. Сущностные противоречия современного общества, а также их российская специфика, трудности самоопределения личности в противоречиях современности как фактор риска экстремизма и терроризма были проанализированы нами в ряде публикаций [35, 36].

В настоящее время в связи со сложными социально-экономическими реалиями и политическими процессами актуальным становится вопрос о модусе бытия личности в экстремальных условиях и личностной ресурсности, обеспечивающей не простое выживание в этих условиях, а полноценное аутентичное бытие. Данное положение созвучно с утверждением В.Е. Лепского, который, обсуждая исходные предпосылки совершенствования системы национальной безопасности России, указывает, что Закон РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» отражает культуру обеспечения безопасности социальных систем, сложившуюся в нашей стране в середине XX в.: игнорирование проблем идентификации граждан; «окопная логика», фокусировка внимания на состоянии защищённости от угроз, а не на способности адекватно действовать в динамично изменяющихся условиях [17].

В наших исследованиях [30, 31, 34], анализируя качественную специфику субъектов предельного модуса бытия, мы пришли к выводу, что аутентичность бытия жизненно необходима для личности в случае функционирования в условиях «аномальной реальности» (реальности, являющейся таковой по объективным параметрам, но не по субъективному восприятию и интерпретации) как частного случая сложных жизненных обстоятельств. В данном плане прослеживается аналогия с экзистенциальной установкой по отношению к жизни по А. Лэнгле [18].

В контексте субъектно-бытийного подхода, невозможность личности реализовать себя как субъекта, «продлить» себя во внешний мир (таким внешним миром выступает и внутренний мир другого человека, партнера по со-бытию) переживается как отсутствие идентичности, неаутентичность бытия и субъективное неблагополучие, порождая различного рода деструктивные явления.

Полемически заостряя внимание на этом положении, можно сказать, что аутентичное бытие в случае функционирования личности в условиях повседневной «аномальной реальности» — единственно возможный способ избежать деструктивности. Соответственно, при экстремальном модусе бытия (предполагающем пассивность, отчуждённость личности и её поглощённость наличными обстоятельствами) наблюдается дополнительная субъективная драматизация действительности без собственно конструктивной проблематизации.

В этом плане имеется аналогия наших выводов с утверждением В.Е. Лепского, который, выделяя вслед за С.А. Рубинштейном реактивный и рефлексивный способы существования, подчёркивает актуальность для изменяющегося общества именно второго способа существования, объясняя это высокой динамикой процессов самоопределения человека и соорганизации индивидуумов для развития личности, общества и государства. Кроме того, по его мнению, самая важная психологическая проблема в изменяющемся обществе — это проблема стимулирования и поддержки рефлексивного способа существования человека (группы) как субъекта жизни (деятельности), которая должным образом не ставится и не решается в обществе [16].

Исходя из выводов, сделанных по результатам собственных исследований [30, 31, 32], подчеркнём, что предпочтение личностью предельного модуса бытия в экстремальных условиях является только предпосылкой, но не гарантией аутентичности её существования. Нами выявлены проблемы, противоречия и деструкции личности и при данном модусе бытия. Кроме того, требует осмысления и изучения проблема флуктуаций между двумя модусами бытия личности (предельным и экстремальным) применительно к конкретным условиям её функционирования и самоопределения в системе актуальных противоречий.

Таким образом, проблематизация своего существования личностью через выделение и осмысление системы противоречий (в их конкретном преломлении к реальным жизненным условиям), нахождение продуктивных способов их решения способствует самоопределению личности и формированию субъектной позиции в период трансформации общества

На наш взгляд, именно понятие «самоопределение личности» позволяет объединить личный и социальный уровни анализа, поскольку «с помощью самоопределения фактически задаётся *пространство существования (функционирования) субъекта*, но не физическое, а *социально-психологическое пространство* жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, норм и правил и т. д.» [10, с. 5].

Кроме того, согласно Хайдеггеру, бытийные возможности человека «появляются всегда только «снаружи» из конкретной исторической ситуации с её возможностями поведения и выбора, с её отношением к встречному. <...> Вместо речи о возможностях как конститутивных моментах вот этого бытия лучше говорить об умении-быть, всегда в смысле умения-быть-в-мире» (цит. по: [15, с. 257]).

Таким образом, целесообразно сконцентрироваться на ценностно-смысловом самоопределении личности в системе разноуровневых противоречий и предпочитаемом в итоге модусе бытия как результирующей этого процесса.

При этом психологическая безопасность личности понимается как возможность сохранить свою целостность и ощущение аутентичного бытия в условиях «аномальной реальности» с помощью конструктивного разрешения системы разноуровневых противоречий, благодаря чему личность обретает возможность противостоять обстоятельствам. При этих условиях личность как субъект бытия и со-бытия оказывается в состоянии организовать внешнее по законам внутреннего, активно выстраивая пространство собственной жизни, а не принимая как данность навязываемое извне. В приложении к проблемам безопасности новое звучание обретает высказывание А. В. Брушлинского: субъект — это человек на высшем уровне активности, проявляющейся в способности противостоять обстоятельствам [6].

Психология безопасности в контексте рассматриваемого теоретико-методологического подхода концентрируется, с одной стороны, на проблемах безопасности личности в различных пространствах её бытия в условиях социально-экономических и политических трансформаций современного общества, с другой стороны, обращается к изучению потенциальных и реальных рисков, обусловленных характером, и содержанием угроз национальной безопасности, исходящих из нарушения направленности и оптимума активности личности как субъекта бытия и со-бытия.

По сути дела, решается основная задача — изучение и осмысление роли человеческого фактора в качестве индивидуального и группового субъектов в обеспечении динамической равновесности и целостности системы «личность — общество — государство», а также безопасности каждого из конституирующих её подсистем.

Библиографический список

1. *Абульханова К.А.* Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики*/под ред К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
2. *Абульханова К.А.* Российская проблема свободы, одиночества и смирения // *Психологический журнал*. 1999. Т. 20, №5.
3. *Абульханова К.А.* Состояние современной психологии: субъектная парадигма // *Предмет и метод психологии: антология*. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2005.
4. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* *Время личности и время жизни*. СПб.: Алетейя, 2001.
5. *Абульханова К.А., Воловикова М.И.* Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // *Психологический журнал*. 2007. Т. 28, №5.

6. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта (лекция, прочитанная студентам, аспирантам и преподавателям факультета психологии Тверского государственного университета 19 октября 2001 г.) // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2.
7. *Гарбер И. Е.* Метапсихологический подход к интеграции психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
8. *Гуревич П. С.* Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
9. *Журавлёв А. А.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта/под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Per Se, 2002.
10. *Журавлёв А. А., Емельянова Т. П.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 3.
11. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М: Астрель, 2008.
12. *Зинченко Ю. П.* Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2007. № 4.
13. *Зинченко Ю. П.* Психология безопасности: междисциплинарный подход (материалы круглого стола) // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 2.
14. *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12.
15. *Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
16. *Лепский В. Е.* Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: в 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2002.
17. *Лепский В. Е.* Исходные предпосылки совершенствования системы национальной безопасности России (субъектно-ориентированный подход) // Рефлексивные процессы и управление. 2007. Т. 7, № 1.
18. *Лэнгле А.* Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. 2008. № 2.
19. *Львов Д.* Экономика должна быть нравственной // Литературная газета. 2004. № 52-53.
20. *Магун В., Руднев М.* Похожи ли мы на европейцев? // Psychologies. 2009. № 38.
21. *Мартин Д.* Психологические эксперименты. Секреты механизмов психики. СПб.: Прайм — Еврознак, 2002.
22. *Митькин А. А.* Принцип самоорганизации систем: критический анализ // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 4.
23. *Митькин А. А.* Пути психологического поиска: Претензии и возможности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
24. *Митькин А. А.* Субъектность человека: грани и границы. Ч. 2 // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4.
25. *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995.

26. Проблемы информационно-психологической безопасности/под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Институт психологии РАН, 1996.
27. *Степин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
28. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ; АСТ Москва; ПРОФИЗДАТ, 2004.
29. Философия и методология науки/под ред. В. И. Купцова. М.: Аспект Пресс, 1996.
30. *Фоменко Г. Ю.* Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
31. *Фоменко Г. Ю.* Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
32. *Фоменко Г. Ю.* Модусы личностной бытийности и особенности организации времени в экстремальных условиях жизнедеятельности // Личность как субъект организации времени своей жизни: сб. науч. ст. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.
33. *Фоменко Г. Ю.* Парадоксы личностной организации времени при экстремальном модусе бытия // Личность и бытие: субъектный подход: материалы науч. конф., посвящённой 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
34. *Фоменко Г. Ю.* Парадоксы субъектности при различных модусах бытия личности // Личность и бытие: субъектный подход (к 75-летию А. В. Брушлинского). Под ред. Журавлёва А. Л., Знакова В. В., Сергиенко Е. А., Рябикиной З. И. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
35. *Фоменко Г. Ю.* Проблема противоречий в современных условиях бытия личности // Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика: материалы Междунар. конгресса/отв. ред., сост. А. Л. Журавлёв, Н. П. Фетискин, Т. И. Миронова. М.; Кострома: КГУ им. Некрасова, 2009. Т. 1.
36. *Фоменко Г. Ю.* Трудности самоопределения личности в противоречиях современности как фактор риска экстремизма и терроризма // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодёжной политики: материалы науч.-практ. конф. М.: Кредо, 2009.
37. *Фоменко Г. Ю.* Психология безопасности: междисциплинарный подход (материалы круглого стола) // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 2.
38. *Франкл В.* Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000.
39. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
40. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1998.
41. *Фролова О. С.* Проблема страха в современном обществе // Актуальные проблемы социального функционирования транзитивного общества. Ростов н/Д: Феникс, 2003.
42. *Юревич А. В.* Интерпретативные традиции и параметры развития психологической науки // Прогресс психологии: критерии прогресса/под ред. А. Л. Журавлёва, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.